

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

**Читайте романы Н. Мирониной
в серии «Счастливый билет»:**

Куколка для Немезиды
Трудное счастье Калипсо
Дочь мадам Бовари
Отказать Пигмалиону
Невеста Всадника без головы
Новая хозяйка собаки Баскервильей
Третий брак бедной Лизы
Завтрак для Маленького принца
Свадебное платье мисс Холмс
Дети капитана Гранина
Свадьба собаки на сене
Немного солнца для Скарлетт
Ошибка дамы с собачкой
Муж для дочери Карабаса

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

В ожидании Синдбада

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
А. Марычева

Миронина, Наталия.
М64 В ожидании Синдбада: [роман] / Наталия Миронина. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Счастливый билет. Романы Н. Мирониной).

ISBN 978-5-04-088535-0

Что делать, если тебе под сорок, личная жизнь не складывается и ты всего лишь музейный работник в маленьком провинциальном городке? Отдушиной могут стать служебные командировки — именно в одной из них у Ники Одинцовой завязываются отношения с Виктором Кочетовым, директором художественного музея. И надо же такому случиться — именно в этот момент из-за границы приезжает любовь ее молодости Егор Бестужев, преуспевающий бизнесмен. Оба мужчины могут составить счастье Ники Одинцовой, но для кого откроется ее сердце?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-088535-0

© Миронина Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Тот, второй, вышедший из машины, был очень красивым. Тетка, торговавшая на углу цветами, заметила это сразу. И одет хорошо — светлая рубашка, голубые джинсы, модная куртка. А водитель весь в черном. Цветочница оставила букеты и внимательно присмотрелась. «Странно. Чего это они здесь остановились?! Не за цветами же. Разве только сигареты купить. Тут больше ничего и нет», — подумала она. Перекресток казался безлюдным. Справа высились корпуса неработающего завода, слева — пустырь со строительными вагончиками. Жилые дома стояли поодаль.

— Сейчас, только сигареты куплю, — сказал водитель, выходя из машины.

— Да без проблем, — ответил второй, — я разомнусь.

Водитель дернулся при этих словах, а молодой парень пошел по тротуару.

Цветочница наблюдала за ним. «Хорош. Ой, хорош, ладный!» — думала она, радуясь хоть какому-то развлечению. Ее покупатели появятся позже, когда в больнице начнутся часы посещений. Парень тем временем дошел до угла и повернул было назад, как из-за поворота бесшумно вылетела машина. Она пересекла «сплошную» и затормозила около парня. Из машины выскочили двое. То, что произошло потом, цветочница еще долго пере-

В ожидании Синдбада

сказывала знакомым. Те двое скрутили молодого человека, который закричал и попытался сопротивляться, но его ударили в лицо, накиннули на голову какую-то тряпку и затолкали в машину. Водитель внимательно наблюдал со стороны, а когда похитители скрылись, спокойно сел в свою машину и уехал в противоположном направлении. Ни на продавца сигарет, выскочившего на шум, ни на цветочницу никто не обратил никакого внимания.

Часть первая

1996 год

Глава 1

— Ника, вставай! Опоздаешь!

Ее трясли за плечо, потом попробовали сдернуть одеяло. Не тут-то было. Ника, с головой зарывшись в постель, одеяла не отпускала. Она всеми силами продлевала ночь. Утро и день не сулили ей ничего особенного — школа, контрольная. Вообще-то, она давно не спала. Уже час ее сон казался похожим на игру «замри» — неподвижность, закрытые глаза и много неприятных мыслей. Ей хотелось, чтобы этот день не начинался. «Надо вставать», — она прислушалась к маминым шагам, бодрым и энергичным. «Да, надо вставать! Мама обиделась — будила меня, будила, завтрак приготовила, а я все лежу. Непорядок! И потом, все равно уже не засну».

Ника вздохнула, откинула одеяло и только потом открыла глаза. Ближе всего стоял старый платяной шкаф, который когда-то достался им от бабушки. Шкаф был таким огромным и таким тяжелым, что любые попытки избавиться от него ничем не заканчивались. Потом Ника увидела свой письменный стол с горой учебников, среди которых стояла большая чашка в красных цветах. В ней мама приносила теплое молоко. Вечером это было сигналом прекращать занятия и готовиться ко сну. «Когда-нибудь мы все это выбросим. И вообще, когда-нибудь мы переедем в нормальную квартиру. Новую.

В ожидании Синдбада

В новом доме! — подумала Ника, прислушиваясь, как в кухне скрипят половицы. — Наш дом совсем старенький. Хотя мама и слышать не хочет ничего, все твердит про ремонт. А где такие деньги взять?!» Ника вздохнула и прокричала:

— Все, встаю, встаю!

Но как только ее босые ноги коснулись ледяного пола, она ойкнула и снова залезла под одеяло.

— Ника! Господи, ты опоздаешь в школу, я опоздаю на работу. Хоть и не платят денег, а кто-то должен заниматься ежедневными делами! — В дверях появилась мать, молодая, статная женщина. Одета она была скромно, но требовательно — ворот строгой белой блузки скрепляла большая камея, а на широкой юбке отглажены все складки.

— Мама, — тянула время Ника, — мама, а что случилось? Почему ты такая нарядная?

— Я уже семнадцать лет как мама, — сердито сказала Калерия Петровна Одинцова, — но вставать вовремя и не опаздывать так тебя и не научила! Живо поднимайся, шагай в ванную, и я жду тебя завтракать!

Калерия Петровна по-военному четко повернулась на маленьких каблучках и исчезла в дверях.

Ника вылезла из-под одеяла и прошлепала в ванную. Ванная тоже была предметом вечных споров и рассуждений. Старый кафель, старый нагреватель, разболтанный кран и новая шторка в золотых рыбках — гордость мамы. «Стоит, как кусок мяса, но нашу жуткую ванную хоть немного украсит! — сказала она, доставая пахучий, сложенный вчетверо квадрат полиэтилена. Ника помнила, что благодаря этой шторке в ванной исчез те-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

плый сырой запах, а появился аромат новизны, ремонта, радостного обновления. На какое-то время шторка примирила Нику с домашней действительностью, но, впрочем, не надолго. Тоска по новому, свежему жилью появилась снова.

Ника присела на край ванны, включила кран и подставила пальцы, ожидая, когда польется теплая вода. На минуту Ника задумалась: «Еще два дня, а там выходные, а это значит, что приедет Егор».

Да, всего два дня, и он приедет. И все станет проще, легче, не так беспросветно. И совершенно ее не будет волновать их старый дом, требующий капитального ремонта, а будущее предстанет таким, в котором нет места проблемам. На минуту к Нике вернулось хорошее настроение. Но только на минуту, потому что из-за двери послышался голос матери:

— Ты там не заснула? Надеюсь, ты помнишь, что тебе надо в школу, а мне на работу. У меня сегодня совещание! Районное!

— Да, мама, слышу. Уже иду! — ответила Ника, прислушиваясь к маминому голосу. Ее всегда удивляло, откуда в матери столько энергии. Конечно, быть директором городского музея — это ответственность и нужно всегда быть в форме. Вот и совещания у нее часто. А она, Ника, в свои семнадцать лет часто ленится, бывает нерасторопной, благодушной и не демонстрирует готовности бороться с жизненными обстоятельствами.

— Ника! — прозвучало прямо под дверью. — Заснула опять? Я жду тебя завтракать!

— Да, сейчас, — пробормотала Ника и глянула на себя в старое пятнистое зеркало. Зеркало ответило за-

В ожидании Синдбада

спанным лицом симпатичной семнадцатилетней девочки. «Это — я! — сказала себе Ника, увидев свое отражение. — Это — я! Рыжая, худая и вроде бы красивая. По крайней мере, так думает Егор. Но ведь это — главное!»

Ника улыбнулась и подмигнула себе.

— Ника, я опаздываю! — торопили ее снаружи.

— Все, мама, я иду. — Плеснула себе в лицо водой, быстро почистила зубы и напоследок окатила себя прохладным душем — бойлер работал из рук вон плохо. Закутавшись в мамин старый халат, она вышла на кухню.

— Вот тебе бутерброды. Да, это, конечно не ветчина, это какой-то заменитель. Ты не представляешь, с какой скоростью дорожают продукты! И когда это закончится?! На обед ничего нет, свари себе что-нибудь — молоко есть и банка тушенки. Можно макароны. Можно кашу какую-нибудь. Заодно и на ужин будет! — затараторила мама, наливая чай.

— Хорошо, — пробормотала Ника. Она согласна была сжевать этот жуткий бутерброд с «мыльным» вкусом, только бы ее оставили одну, не тормошили, не дергали, не торопили. Ника не любила суету, ей нравились тишина и возможность подумать о собственной жизни, представить себе, как Егор идет на лекции, помечтать о том, как они увидятся на выходных.

— Что с тобой сегодня?! — Калерия Петровна поставила чашку и внимательно посмотрела на дочь, — ты здорова?! У тебя ничего не болит?

— Нет, мам. Все нормально, — мотнула головой Ника.

— Хорошо, это я тебя, наверное, разбудила резко, — смягчилась Калерия Петровна. — Так бывает. Просы-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

паться надо медленно. Солнце ведь не вскакивает как оглашенное, рассвет — это целый ритуал! Все, я побежала!

Мать допила чай, поставила чашку в раковину, смахнула со стола крошки и вышла. Вскоре Ника услышала мягкий стук обитой дерматином двери. В окно увидела, как мать прошла по дорожке сада и на минуту задержалась у взошедшего после зимы пиона. Когда хлопнула калитка, Ника подумала: «Маме нужен новый плащ! Этот такой страшный, даже по плечам немного выгорел. Когда она воротник поднимает, особенно заметно!» И тут же дала себе слово, что они купят Калерии Петровне плащ. Новый, шикарный, с множеством хлястиков по теперешней моде. А еще они купят ей, Нике, сапоги, черные замшевые ботфорты. И отметят эти покупки большой пиццей, которую теперь продают в гастронOME.

Но это может случиться не раньше зимы — когда Ника уже поступит в институт, получит первую стипендию и устроится на какую-нибудь «подработку». «Обязательно — новый плащ маме! И теплый жакет!» — пообещала себе Ника. Ей и в голову не могло прийти, что очень скоро в ее жизни случатся события, которые заставят забыть о планах и аукнутся через много-много лет.

Оставшись одна, Ника обошла дом. Старенький дом, в котором жили еще бабушка с дедушкой. Она любила так делать. Здесь когда-то сделали ремонт — добротный, дорогой. От него остались югославские обои на стенах, новые половицы на полу, но не крашенные, а покрытые лаком, остались двери сосновые, тоже некрашенные.

В ожидании Синдбада

Но это все сделано давно и теперь немного выцвело. Ника еще раз заглянула в ванную, но теперь для того, чтобы понюхать мамины духи. Они, как обычно, стояли на полочке — «Нефертити», шесть рублей ноль-ноль копеек до всех денежных реформ.

В старом платяном шкафу одежды висело немного. Они с матерью новое покупали нечасто, экономно берегли старое и только недавно решились расстаться с длинным черным свитером толстой вязки, на котором вышиты алые цветы. Однажды Ника обнаружила в комнате бархатную моль и обвинила в этом старую одежду. Черный свитер казался «плечистым», с широкой проймой, но было ясно, что никуда, кроме как на огород, Ника его не наденет, потому что теперь он больше походил на решето. «Вот, доэкономились! Моль все сожрала!» — Ника с каким-то удовлетворением сообщила о происшествии матери. Конечно, обидно — свитер шел под ее рыжие волосы, она чувствовала себя королевой в нем и черных блестящих лосинах, а одноклассницы вздыхали от зависти.

Сейчас Ника выбрала узкую черную юбку, белую блузку, черные туфли. Это был ее строгий выходной наряд. Особенно Ника гордилась своими туфлями — замшевыми, с бантиками. Мама их купила у знакомой за огромные деньги. «На носу выпускной и поступление! Все равно придется покупать что-то нарядное», — сказала мама. Деньги за туфли договорились отдать в два приема.

Одевшись, Ника еще раз обошла дом, разложила вещи по своим местам — мама терпеть не могла беспорядка. На глаза ей попалась фарфоровая статуэтка, она

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

взяла ее с книжной полки и повертела в руках. «Зачем мама поставила ее рядом с книгами? Она ведь может упасть и разбиться!» — подумала Ника, и тревога закралась ей в душу. Глядя на эту изящную вещицу, она вдруг мысленно увидела плачущую маму, а душой ощутила безысходность горя. «Господи, да ерунда какая! Что это на меня нашло сегодня?! Ведь все хорошо! Все просто замечательно! Вот и Егор через два дня приедет!» — Ника торопливо поставила фигурку на место, на всякий случай задвигая ее поближе к стене.

— Вера, Верка, выходи! — С улицы послышался противный голос. Ника подбежала к окну. Там, пряча зажженную сигарету, стояла ее подруга Наталья Шевцова. «Вредина эта Наташка! Всегда зовет меня Верой. Не Вероникой, не Никой. Именно Верой или Веркой. Моему имени завидует, что ли? — Ника усмехнулась. — Наверняка сейчас будет рассказывать о своих приключениях. При Аньке стесняется. Анька на язык резкая. До школы близко, но пойдем мы «долгой» дорогой. А в школе...» — Ника схватила ключи и выскочила на крыльцо.

— О, ты чего это при таком параде? — Шевцова указала на белую блузку.

— Надо, — загадочно ответила Ника.

— Ясно, — коротко ответила подруга и протянула сигареты, — будешь? Нормальные. Дорогие. Salem называются. С ментолом. Мне вчера Генка подарил.

— Деньги у этого Генки, видно, есть!

— Есть, есть. Я же тебе говорила. Он бабулек «пасет». Тех, что пироги пекут и на трассе торгуют.

— Егор говорит, что это не бизнес. Это так, разбой.

— Твоему Егору вообще легко рассуждать. Вот что он

В ожидании Синдбада

знает о жизни? Что? Он же всегда был сам по себе. И все из-за родителей!

— Ладно, — отмахнулась Ника, — я только хотела сказать, что у этого Генки действительно денег куры не клюют.

— Вот и я об этом. — Шевцова поправила челку, добавила: — Думаю, может, замуж за него выйти? Вот аттестат получу и сразу замуж. Чтобы уже не думать ни о чем.

— Нет, ты не выйдешь замуж за этого Геннадия, — вдруг резко сказала Ника. Она не переставала удивляться собственной резкости и совершенно необъяснимым предчувствиям.

— С чего ты это взяла? — возмутилась Наташа. — Ты знаешь, как он за мной бежит?! Он же под окнами у меня все вечера проводит. А цветы? Сколько раз он мне букеты приносил. И не эти, венниками, что Карасева «вяжет» на рынке. У нее же действительно венники, а не букеты. А он настоящие, такие, в гофрированной бумаге, с лентами. Говорят, это импортное все.

— А цветы наши?

— Не знаю! — отмахнулась Шевцова. — Важно, что очень красивые букеты! Генка, он такой, он всегда знает, чего я хочу. Понимаешь, вот идем по улице, и он раз — покупает мороженое. А ведь я и слова не сказала.

— Наташка, все знают, что ты сластена, — рассмеялась Ника.

— Нет, ты специально все это говоришь! Чтобы поиздеваться надо мной! А я же не все рассказываю просто. Ни тебе, ни Аньке. А на самом деле...

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Как это ни удивительно, но слепое предчувствие событий не будет обманчивым. Ника поймет это только через несколько лет. И Наташа Шевцова вспомнит об этом разговоре, когда с ней случится несчастье. Она действительно не выйдет замуж за этого Генку. Она выйдет замуж за другого. За Сашу Лепесткова, бандита по прозвищу Лепесток. И его убьют на ее глазах. Они будут сидеть в новенькой «шестерке» на мосту и ждать знакомого. Но вместо него подъедет мотоциклист и два раза выстрелит ее мужу в голову. Она будет кричать, пытаться вытащить его из машины. Но будет поздно. Наташу не оставят его друзья — у нее всегда будут деньги. Ее будут по-особенному, боязливо «уважать» в городе. Но с ней не будут особенно дружить. И ей будет тошно, что хоть в петлю. А потом к Наташе Шевцовой посватается вдовец из Москвы. С пятью детьми. И она согласится. И сначала они будут жить здесь, в Славске, но постепенно дорогу в ее дом забудут прежние друзья. Кто-то будет винить ее в грехах бывшего мужа. Кто-то позавидует — второй муж будет любящим и заботливым. И в конце концов они переберутся в Москву. Наташин муж разбогатеет, и купят они большую квартиру, а потом построят дом. А Шевцова очень скоро превратится во всеобщую маму, няню и бабушку. И будет счастлива. В Наташе Шевцовой удивительным образом будет сочетаться хозяйственная практичность с любовью к авантюризму. Это сочетание станет ее судьбой. Все это случится в будущем, но девочки, семнадцатилетние девочки, даже не подозревают о том, что готовит им судьба.

В какой-то книжке Ника прочитала, что человека нельзя спасти, его судьба — это данность. В этой книж-